

Создавая политическую нацию: Вячеслав Липинский и его консервативная теория 1920-х годов*

Андрей Тесля

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии
социально-гуманитарного факультета Тихоокеанского национального университета
Адрес: ул. Тихоокеанская, д. 136, Хабаровск, Российская Федерация 680035
E-mail: mestr81@gmail.com

В работе анализируются взгляды выдающегося представителя украинской консервативной политической мысли первой трети XX века Вячеслава (Вацлава) Липинского (1882–1931). Основное внимание уделено взглядам Липинского 1920-х гг., когда его концепция обрела зрелость и завершенность, что сказалось и на переработке им предшествующих работ. Анализируется близость взглядов Липинского к некоторым подходам, типичным для «консервативной революции»: его позиция оказывается промежуточной, вытекающей из необходимости осмыслить и отреагировать на коренные изменения, происшедшие в европейских обществах в ходе и после Первой мировой войны, и вместе с тем с принципиальным отказом переносить в консерватизм методы и установки «массовой политики». В целом мысль Липинского оказывается радикально далека от любых реставраторских устремлений: вопрос не в том, как «восстановить прошлое» (к довоенному, дореволюционному положению вещей он относился резко критично и тогда, когда оно было современностью, и после происшедшей катастрофы не был склонен к его идеализации), а в возможности нового политического действия и создания нового политического порядка, исходящего из консервативной программы.

Ключевые слова: Вячеслав Липинский, консерватизм, нация, национализм, украинские исследования

«Известно, что даже лучшие учебники истории для низших, средних, высших и наивысших школ еще никого в мире истории не научили. Но истории — если смотреть на нее как на „учительницу жизни“ — нельзя научиться, ее нужно в своей крови, в своей традиции, в своей культуре иметь» (Липинский, 1926: 77)

Украинская политическая мысль XIX–XX вв. редко привлекала внимание отечественных исследователей. Слабость академического интереса связана не в последнюю очередь и с институциональным устройством академических исследований — не относясь до недавнего времени ни к истории России, ни к «славя-

© Тесля А. А., 2014

© Центр фундаментальной социологии, 2014

* Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ № МК-2579.2013.6. Тема: «Социальная и политическая философия поздних славянофилов: между либерализмом и консерватизмом».

новедению», «украинский материал» попадал в сферу занятий украинских академических институций. Следуя этнотерриториальной организации гуманитарных исследований в Советском Союзе, немногочисленные сюжеты, находившиеся за пределами этой рамки, касались преимущественно тематики взаимодействия, русско-украинских связей и т.п. После развала Союза «украинская» тематика (вместе с «белорусской»), обозначившаяся уже как «внешняя» сфера научных исследований, отошла в ведение Института славяноведения РАН. Специфическое положение вещей в данной области отразилось в осуществленном институтом в 1996 г. переиздании «Происхождения украинского сепаратизма» Н. И. Ульянова, охарактеризованного в редакционном предисловии как «единственный научный труд во всей мировой историографии, специально посвященный данной проблеме» и квалифицированного как «академическое исследование» (Ульянов, 1996: V). Как бы ни относиться к содержанию взглядов Ульянова и предлагаемым им интерпретациям, это звучит весьма нестандартно.

Если среди историков за последние два десятилетия ситуация существенно улучшилась (в том числе за счет взлета «новой имперской истории», нацеленной на анализ устройства и функционирования империи как сложной системы и выводящей за пределы сформировавшейся к последним десятилетиям XIX века и до сих пор достаточно устойчивой историографической традиции «национальной империи», построенной на совмещении русского национального нарратива с имперским¹), то среди специалистов по истории политической теории и политической философии сохраняется прежнее, почти тотальное, отсутствие интереса к украинской проблематике. Это особенно характерно на фоне устойчивого и продолжающегося углубления внимания к русской политической мысли².

Не вступая в подробное обсуждение связанных с этой темой сюжетов, отметим, что сложившееся положение вещей можно охарактеризовать в первом приближении как постколониальное, где отсутствие интереса собственно к украинской политической мысли (и, отметим мимоходом, например, к украинской литературе — что современной, что XIX — первых десятилетий XX в.) может быть прочитано как непризнание за «украинской» стороной достаточной субъектности. Она оказывается либо «информантом», либо (нередко) «подследственным», от которого стремятся получить «изобличающие его показания». Преимущественное внимание в интерпретациях уделяется «отношению к России», выступающей как преобладающий (и едва ли не единственный) объект мышления и отношения для украинской стороны. Распространенными в итоге оказываются «реактивные» интерпретации, уделяющие мало внимания наличию самостоятельной проблематики украинской мысли, понимая ее главным образом в аспекте политического действия (см.: Эт-

1. Хрестоматийными образцами такого рода интерпретации могут служить обобщающие труды В. О. Ключевского (Ключевский, 1987–1990: тт. I–V) и С. Ф. Платонова (Платонов, 1993). Курс Ключевского начал издаваться в 1904 г., 1-е издание «Лекций...» Платонова состоялось в 1899 г. (10-е изд. — в 1917-м).

2. В дальнейшем термин «русская» используется для обозначения как того, что на языке XIX — начала XX в. именовалось «общерусским», «русским», так и именовавшегося «великорусским».

кинд, Уффельман, Кукулин, 2012). Следствием подобной ситуации оказывается сосредоточение на конфронтационной проблематике, когда внимание нацелено на анализ противников/союзников в «украинском» лагере, в результате чего фигуры, плохо поддающиеся помещению в подобную схему, привлекают лишь слабый интерес, а «собственно украинские» сюжеты остаются маргинальными. В конечном счете подобная позиция существенно обедняет историю русской политической мысли.

* * *

Вячеслав (Вацлав) Липинский — один из наиболее оригинальных украинских политических мыслителей первой трети XX в. В целом украинская политическая мысль не отличается обилием теоретических новаций — приходится признать ее вторичный характер: преимущественное внимание она уделяет приложению уже существующих и получивших распространение западно-, центрально- или восточноевропейских концепций к «местной ситуации». Возникающие теоретические затруднения — это в первую очередь трудности от приложения уже существующей концепции к «местному материалу». Подобная ситуация отражается, в числе прочего, и на слабом интересе к собственно теоретическим вопросам — как правило, ближайшими культурными «местами» их обсуждения выступают польская и российская «площадки» (более отдаленной — немецкая). Одним из немногих исключений в предшествующий период оказывается М. П. Драгоманов, целенаправленно пытавшийся создать «украинское пространство» подобного обсуждения и выработать язык, на котором возможна такого рода дискуссия. Драгоманов многократно жаловался на узкие рамки, в которые оказывались помещены украинские политические споры — и следующие из этого специфические aberrации, например, склонность абсолютизировать свой опыт или воспринимать конкретную политическую или социальную ситуацию как уникальную³.

Обращение к мысли Липинского обусловлено не только интересом к украинским дебатам. Он выступает одним из теоретиков консервативного направления, стремящихся, во-первых, осмыслить фундаментальные перемены, произошедшие после Первой мировой войны и революции в Российской империи; во-вторых, дать ответ на вопрос о возможностях консервативного движения в новых условиях. В данном случае мысль Липинского радикально далека от любых реставраторских устремлений. Вопрос не в том, как «восстановить прошлое» (к которому он и ранее относился критично, когда оно было современностью, и после происшедшей катастрофы не был склонен к его идеализации), а в возможности нового

3. Попытке преодолеть данную ситуацию, продемонстрировать иной, более широкий контекст вопросов, занимающих украинскую мысль, посвящена одна из наиболее известных работ М. П. Драгоманова: «Чудацькі думки про українську національну справу», вышедшая впервые отдельным изданием в 1892 г. (Драгоманов, 1915).

политического действия и создания нового политического порядка, исходящего из консервативной программы.

Биографические сведения

Знакомство с биографией Липинского необходимо для понимания существа поднимаемых им вопросов — своими теоретическими размышлениями он пытался найти наилучшее решение для той группы, к которой относил себя по рождению, принадлежностью к которой гордился и которую полагал жизненно важной для существования государства и нации.

Вячеслав Казимирович Липинский родился 5 апреля 1882 года на Волыни, в польской шляхетской семье, которая переселилась на Украину в XVIII веке. Он не только принадлежал к римско-католической церкви по традиции, но был глубоко верующим человеком, для которого вопросы религиозные, апелляция к божественному обладали большой значимостью. Однако он был весьма далек от «нового религиозного духа» и т. п. движений, характерных для этого времени. Напротив, его религиозность носила скорее традиционный характер — так, будучи противником вмешательства церкви в светские дела, он одновременно выступал против стремления светской интеллигенции играть роль «руководителей» религиозного сознания, считая, что учительская функция в церкви принадлежит духовенству и светское соучастие не должно менять этого положения вещей (Липинский, 1925: 15–16; Лисяк-Рудницкий, 1976: LIII–LVII).

К сожалению, о себе Липинский говорил и писал нечасто. Сохранился его сжатый ответ на вопрос, поставленный О. Назаруком⁴ (в 1924–1928 гг. самым близким ему корреспондентом), о том, как он стал «украинцем». Липинский настаивает: «Вы не „автохтон“, который меня, „чужака“, может принять в отличие от других „чужаков“ потому, что я „пристал до автохтонов“. Я есть такой же автохтон, как и Вы, и мое слово на Украине имеет не меньшую автохтонную историческую глубину и вес, как и Ваше слово» (Липинский, 2004: 37, письмо от 19.III.1924). И далее дает уже развернутый ответ на вопрос:

«Вы просите несколько слов о том, как я „стал Украинцем“. Украинцем — в смысле человека, связанного душою и телом — всеми эмоциями и всеми материальными интересами — с Украиною, я был не только со дня своего

4. Назарук Осип (1883–1940) — украинский общественный и политический деятель, журналист, писатель (автор романа «Роксалана», 1930). Познакомился с Липинским в марте или апреле 1919 г., сближение произошло в 1920 г. (когда, благодаря Назаруку, Липинскому было назначено от Западно-Украинской Народной Республики пособие — для написания краткого курса истории Украины); с 1923 г. — в Америке, где испытывает все большее влияние идей Липинского, становится сторонником Гетманата и приводит на эти позиции американскую организацию сечевых стрельцов (чей орган «Січ», выходящий в Чикаго, он редактировал с 1923-го по 1926-й). В 1928 г. отношения с Липинским резко ухудшились из-за позиции, занятой Назаруком в редактируемом им по возвращении во Львов униатском еженедельнике «Нова Зоря». Окончательный разрыв произошел в 1930 г. Об отношениях Липинского и Назарука см.: Лисяк-Рудницкий, 1976.

рождения, а с той минуты, как мой предок Иосиф-Антон „товарищ роты панцирной“ в 1759 году приобрел себе землю на Подоле, тут женился и тут поселился. Хотя в семье моей говорили на „панском“ — польском или французском языке (по-украински все говорили, разумеется, в тысячу раз лучше, чем члены „Центральной Рады“, и язык украинский был моим первым языком, поскольку няня была крестьянка, которая не умела по-польски), но польскою национально-государственную идеологию я не увлекся и не мог увлечься потому, что ее в роду нашем со времен упадка Речи Посполитой не было. Предки мои во времена Речи Посполитой — в противоположность шляхетской демократии — были завзятыми роялистами, а по упадку Речи Посполитой верою и правдою служили России. Отец мой был — как тогда поляки со злостью называли — „угодовцем“: большим почитателем Владимира Спасовича⁵, и будущее Украины (которую он, и Мать особенно, любили так, что если б хоть часть той привязанности была у нашей демократии, мы имели бы государство) он мыслил в политических формах реформированной России. Следовательно: стихийный, „несознательный“ Украинец по рождению и воспитанию (маленькая иллюстрация: любимым композитором моей Матери был наш украинский шляхтич Завадский — школьный товарищ ее братьев и ее. Его чудесные „Запорожские марши“ играла мне Мать на фортепьяно, когда я был маленьким ребенком, в награду за хорошее поведение, а Запорожец, что был на нотах изображен, еще и теперь стоит перед моими — работаю украинскою ныне измученными — очами...), „поляк“ по разговорному языку и религии, в конечном итоге русофил по вынесенным из дому политическим взглядам — я взрослым юношей (в 7-м классе) оказался в польской гимназической организации в Киеве. Там я встретился с пропагандою украинской независимости, которую в те годы (1899–1900–1901) упорно вели в Киеве пепеэсовцы⁶. Сам лозунг припал до моей души больше, нежели вынесенное из дому русофильство, я его подхватил с запалом, но вложил в него свое стихийное, органичное, унаследованное от предков, шляхетско-украинское, следовательно, в результате: резко противосоциалистическое и противогосударственническо-польское содержание. Польские провокаторы (иначе людей, пропагандирующих украинскую независимость и скрывающих при этом свою польскость и польские государственные тенденции, не могу назвать) увидели в моем лице небезопасного врага и с того момента началась (тогда еще несознательная) моя борьба с Украиною, как концепцией противорусской, на уничтожение России предназначенной анархии (сегодня Шаповал⁷, Петлюра⁸, Донцов⁹) и моею Украиною, как концепциею силы.

5. Спасович Владимир Данилович (1829–1906) — русский юрист, выдающийся адвокат, публицист (в русских и польских изданиях), сторонник примирительной польской политики.

6. ППС — Польская социалистическая партия (Polska Partia Socjalistyczna, PPS), существовала с 1892 по 1948 г.

7. Шаповал Никита Ефимович (1882–1932) — украинский общественный и политический деятель, один из организаторов и лидеров УПСР (Украинской партии социалистов-революционеров), член Центральной и Малой Рады, организатор ноябрьского восстания 1918 г., министр земледелия при Директории (XII.1918–II.1919), в эмиграции, пользуясь поддержкой Т. Масарика, развил активную общественно-политическую деятельность, возглавил Украинский общественный комитет (1921–1925), издатель и редактор ежемесячника «Новая Украина» (1922–1928).

8. Петлюра Симон Васильевич (1879–1926) — глава Директории УНР (Украинской Народной Республики, 1919–1920).

9. Донцов Дмитрий Иванович (1883–1973) — украинский публицист и общественный деятель, в

власти, порядка, величия — концепцией политической, которую (хоть и не в украинских формах) я вынес из дома. Борьба эта довела до моего разрыва с польской гимназической организацией, и нашедши сам (после весьма долгих поисков!) „православную“ украинскую гимназическую громаду, я вступил в нее. Дальнейшее уже до темы „как я стал украинцем“ не относится. На процесс этот, как видите, „патентованная“ Украина — Украина Надднепрянских интеллигентов — не имела ни малейшего влияния» (Липинський, 2004: 38–40).

После окончания гимназии он учился в Кракове (где изучал историю и агрономию¹⁰) и в Женеве (где предметом его занятий была социология). В 1926 г. он писал: «...по профессии и темпераменту я не литератор. Специальность, к которой я готовился и которой занимался — хлеборобство. Кроме того, был я в жизни своей военным и историком. Все эти занятия люблю, к ним лежит моя душа» (Липинський, 1926: XLIII). Однако хотя действительно до Первой мировой войны Липинський преимущественно занимался земледелием в своем имении — Русаливских Чагарах в Уманьском уезде — и историческими трудами, которые¹¹ принесли ему заслуженную известность (Дорошенко, 1996: 209–211), нельзя сказать, чтобы он был совершенно далек от публицистики, не говоря уже о политике. С описанного в письме к Назаруку поворота к самостоятельной политической позиции Липинський размышляет над возможными способами осуществления своего видения. В 1908 г. в нескольких местах Правобережной Украины он выступает с программными обращениями и в 1909 г. публикует брошюру «Szlachta na Ukrainie. Udział jej w życiu narodu ukraińskiego na tle jego dziejów» («Шляхта на Украине»), организует съезд «украинцев польской культуры» и с апреля 1909 г. начинает издавать под своей редакцией журнал «Przegląd Krajowy» (выходил раз в две недели до конца года, когда издание пришлось прекратить из-за цензурных и финансовых трудностей). Его исторические работы были непосредственно связаны с политическими взглядами — сюжеты, над которыми он работал, касались периода Хмельнитчины, участия шляхты в войне и создании Гетманата, он стремился продемонстрировать, вопреки «народническому» направлению историографии, роль земельной шляхты, местной аристократии в процессе государственного строительства, помещая последний в центр своих интересов. Именно внимание к государственным

1917 г. принимал участие совместно с В. Липинским и В. Шеметом в создании УПХД (Украинской партии хлеборобов-демократов), при Гетманате возглавлял Украинское телеграфное агентство (УТА). В эмиграции становится идеологом украинского национализма как расового движения, стремится сформировать массовое движение вождистского типа. Наиболее известным текстом является «Национализм» (1926). Его взгляды легли в основу политической платформы ОУН.

10. Его брат, Станислав (1884–1954), учившийся в Киевском политехническом институте (1903–1905) и в Лейпциге (1905–1908), стал выдающимся польским ученым-агрономом, работавшим над селекцией пшеницы и картофеля.

11. После выхода в 1912 г. сборника «Z dziejów Ukrainy. Księga pamiątkowa ku czci Włodzimierza Antonowicza, Paulina Świącickiego i Tadeusza Rylskiego», в котором основную часть (и с точки зрения объема, и с позиций научной значимости) занимали работы Липинского. О формировании и развитии исторических взглядов В. Липинского см.: Білас, 1980, 1991.

институтам, традициям государственности на Украине — в противовес идущему от В. Б. Антоновича (и близкого в этом отношении, как и во многих других, к нему М. С. Грушевского) — послужит основанием для выделения данного историографического направления как «державнического»¹².

Липинскому свойственны внимание к своей интеллектуальной генеалогии и одновременно памятование различий: «Z dziejów Ukrainy» на титульном листе несет посвящение «хлопоманам» 1860-х — тем «украинцам польской культуры», что сделали свой выбор в пользу сознательного («свідомого») украинства: В. Антоновича, П. Свенцицкого и Т. Рылского. Подобно им он делает выбор в пользу «украинства», который, однако, существенно отличается от выбора предшественников. Именно в разъяснении его правоты состоит значительная часть последующих литературных трудов и политических усилий Липинского (Lipiński, 1912: V–XI). Лисяк-Рудницкий, формулируя взгляды Липинского этого времени, пишет:

«Мировоззрение „хлопоманов“ имело народническую основу: свое обращение к украинству они понимали как служение социальным интересам простого народа, связанное с разрывом с традициями шляхетского сословия, из которого они вышли. Иною была концепция Липинского. Он хотел, чтобы шляхетский слой стал украинским в своем политическом сознании, без деклассирования, без утраты своего корпоративного существования» (Лисяк-Рудницкий, 1994б: 132).

Хотя в последующем Липинский не критиковал выбор «хлопоманов», он все с большей резкостью отзывался о тех, кто в современных условиях совершает аналогичный выбор, — деклассированная интеллигенция, разорвавшая с тем сословием, из которого она вышла, оказывается гибельна не сама по себе (подобный выбор бывает не только оправдан, но и верен), а постольку, поскольку не имеет никого, кто бы ее ограничил. Она оказывается единственным действующим лицом, в силу своей деклассированности неспособным к самостоятельному действию — она никого не представляет, не «ведет за собой» массы, а ведома ими. Летом 1921 г. он пишет:

«...трагедия Украины не в том, что ею хотят править те, кто по сути <своей> безобидные крикуны и разлагатели, которые не владеют средствами производства и войны, не имеют собственной материальной силы, чтобы править.

12. Конфронтация между представителями данных направлений — феномен более поздний, преимущественно послереволюционного времени, поскольку именно тогда обостряются различия в исторических интерпретациях применительно к текущему моменту и понимании политических перспектив. В 1920-е гг. Грушевский станет для Липинского олицетворением безгосударственного, «народнического» направления — в первую очередь в текущей политике, в связи с чем он многократно критически высказывается о работах первого (Липинский, 1926: 99, 249). В свою очередь, Грушевский, с начала 1900-х уделявший большое внимание именно «государственническим», «державным» сюжетам, после 1919 г. вновь — и на сей раз куда более радикально — выведет на первый план темы «народнические» (см.: Плохий, 2011: 152–153, о «державничестве» и связанных с ним сюжетах в работах Грушевского см.: Там же: 327–341).

А трагедия ее в том, что ею не правят те, кто, владея средствами производства и имея собственную силу, могли бы править, если бы только хотели и умели править» (Липинский, 1926: 183)¹³.

С началом войны Липинский как офицер резерва вступил на военную службу и в кавалерийском авангарде принял участие в наступлении армии Самсонова в Восточной Пруссии. Во время этой кампании, завершившейся разгромом (известным в немецкой военной историографии как битва при Танненберге), он тяжело застудился, пересекая реку верхом, и у него возобновился туберкулез легких. С этого времени он уже никогда не был вполне здоров, однако в 1915 г. поправился настолько, чтобы возобновить службу в резерве, служа в кавалерийском полку под Полтавой, где его и застала революция. Позднее он вспоминал, как после революции явился в Киев, в распоряжение Центральной Рады, с предложением сформировать воинское подразделение — и был крайне разочарован тем недоверием, с которым к нему отнеслись новые власти как к «пану». Революция, что разворачивалась на его глазах, была социальной и социалистической, а не национальной, а способность «революционной демократии» к государственному строительству он не верил и ранее — происходящее же было способно лишь укрепить его в прежних взглядах. По возвращении в Полтаву он принимает участие — примкнув к кружку местных сельских хозяев и общественных деятелей, оппозиционных к социалистическому курсу Центральной Рады¹⁴ — к организации Украинской демократической хлеборобской партии, программу которой составляет. Основными ее принципами были: утверждение государственной независимости Украины и сохранение частной собственности на землю. В подготовке гетманского переворота и провозглашении Гетманата ни Липинский, ни его партия участия не принима-

13. Размежевание с интеллигенцией, стремление демонстративно дистанцироваться от нее, проявляется в декларируемом Липинским отношении к «литературе», к акту «писательства» и к пониманию статуса своих публицистических работ. Во вступительном слове к «Письмам к братьям-хлеборобам» он утверждает: «Царство литературы, царство слова — хоть оно и есть царство, где легче всего осуществяются все мечты, — меня никогда не манило. Мой „империализм“, если можно так сказать, иного сорта: меня не удовлетворяет власть над словами. Я люблю иметь влияние на отношение между людьми, между реальными вещами. Потому в жизни своей брался я до публицистики, до литературы только ради необходимости: тогда, когда не было никого другого, более способного, сказать то, что в интересе общественном должно было быть сказано. В этом-то и лежит главная причина, почему я взялся до писания этой книги. Сформулировать нашу идеологию почитал я обязательным для себя последним актом моей общественной работы. Сталкиваясь с детских лет со всеми общественными слоями Украины, изучая их прошлое, принимая активное участие в государственной украинской работе и пережив ее крушение, я приобрел такое знание моего Отечества, которого «свідомі» украинские интеллигенты не имели и не могли иметь. Обязанностью своею считал я этими знаниями при помощи печатного слова поделиться» (Липинский, 1926: XLIII).

14. Видный общественный деятель, крупный землевладелец и меценат украинского национального движения Е. Чикаленко вспоминал, как в октябре он «пробовал предостеречь Грушевского от эсеровского решения аграрного вопроса на Украине, потому что оно сделает врагами Украинского государства всех, владеющих землею больше трудовой нормы, и что нельзя основать державу на одном пролетарском классе. На что он ответил, что держится большинства: как оно решит, так и будет» (Чикаленко, 2003: 390). Примечательно, что в эмиграции Липинский не будет полемизировать с Грушевским, упоминая о нем лишь для «иллюстрации» взглядов части украинской интеллигенции.

ли¹⁵, но к новому режиму он отнесся весьма положительно и принял должность посла при Венском дворе. На этой должности он пробыл (несмотря на попытку подать в отставку в сентябре 1918 г. в связи с ухудшением состояния здоровья — см.: Липинский, 1973: 10–12) и после падения Гетманата, уже от имени Директории, до лета 1919 г. Выйдя в отставку, он поселился неподалеку от Вены, в местечке Райхенау, где занялся переработкой своего исследования, посвященного украинским событиям 1657–1659 гг., вышедшего из печати в 1920 г. под заголовком «Украина на переломе»¹⁶. В новом издании «слово „революция“ было почти везде вычеркнуто, точно так же, как и позитивные оценки масс в восстании» (Плохий, 2011: 290).

Вскоре, однако, его исторические работы были отброшены. Липинского целиком поглотила работа над созданием Украинского союза хлеборобов-государственников (УСХД), которая мыслилась им как максимальное подобие рыцарского «ордена». Целью объявлялась борьба за классово-кратичную Украинскую монархическую государственность, а центральным органом стал журнал «Хлеборобская Украина», в котором в последующие годы частями публиковался главный политический текст Липинского — «Письма к братьям-хлеборобам», изданный (в переработанном виде и с добавлением письма-обращения к противникам) отдельной книгой в 1926 г. Тогда же Липинский на год переехал в Берлин, где возглавил кафедру в созданном П. Скоропадским Украинском научном институте (см.: Передерій, 2012; 2010). Этот пост сам Липинский предназначал Назаруку, с которым весьма сблизился по переписке за последние два года, но Скоропадский предпочел его протежируемому им публицисту. Год, проведенный в Берлине, оказался весьма неблагоприятен по последствиям. Берлинская жизнь сильно ухудшила состояние здоровья Липинского, да к тому же и с точки зрения его политической деятельности «присутствие Липинского в Берлине только углубило недоразумения между ним и гетманом П. Скоропадским и его окружением» (Лисяк-Рудницький, 1994б: 135).

Отъезд Липинского из Берлина и его проживание в небольшом горном местечке Бадег (около Граца) несколько уменьшило напряжение, однако в 1930 г. разразился открытый конфликт. В сентябре Липинский объявил о роспуске УСХД и опубликовал статью (в львовской газете «Діло»), где объяснял причины, приведшие к подобному решению. С небольшим числом сторонников он основал новую организацию — Братство украинских классово-кратов-монархистов (отличавшуюся от прежней тем, что, согласно ее программе, вопрос о выборе династии был оставлен открытым). «Вступительное слово» к «Сборнику хлеборобской Украины» было

15. Об этих событиях см., например, высказывания одного из членов гетманского правительства, министра иностранных дел Д.И. Дорошенко (Дорошенко, 2002) и описание тех событий современным отечественным исследователем, весьма критично относящимся к Гетманату и весьма полно реконструирующим позицию русских сил (Пученков, 2013: гл. I, § 2; гл. II, § 1; гл. IV, § 1).

16. В том же издании был намечен план собрания сочинений в 4-х томах, включавший как уже опубликованные ранее работы, так и еще только запланированные: они должны были охватить события из украинской истории со времен Люблинской унии до последних десятилетий XIX века (Липинский, 1920: 302–304; Лисяк-Рудницький, 1994б: 134).

его последним произведением, опубликованном уже после его смерти 14 июня 1931 г. в санатории неподалеку от Вены. Похоронили Липинского на Воыни, в его родном селе Затурцах.

Как возможна нация

Итак, прежде всего — национализм. Именно он лежит в основании политического мышления Липинского — именно руководствуясь им, Липинский принимает решение писать по-украински, идентифицирует себя как «украинца польской культуры», выбирает принадлежность к народу, который населяет эти земли подобно тому, как ранее такой выбор сделали Антонович, Свенцицкий и другие.

Но здесь проявляется и различие: он стремится принадлежать народу, не сливаясь с простонародьем, его выбор — в пользу будущего, для того, чтобы «быть украинцем», он не считает возможным отречься от себя и своего сословия. Иными словами, его задача — найти другой способ «быть украинцем». Для этого «народ» должен стать «нацией»¹⁷, которая не является ни социальной, ни этнической группой, но *политической общностью*. Размышляя о Пилсудском, Липинский косвенно проговаривает основания собственного, противоположного выбора:

«В одной из своих последних речей, подводя итоги своей деятельности, <Пилсудский> сказал, что он „свое жизненное испытание выдержал“. Так, разумеется... только — добавим — испытание это было сложено по более легкой программе. Потому что перед п<аном> Пилсудским, что происходит из литовско-белорусского, во всяком случае давно там осевшего рыцарского шляхетского рода, могло бы быть иное испытание. Он мог жизнь свою отдать борьбе за государственное и национальное освобождение родной земли, за ее аристократическое самоуправление. Что земля эта также желает быть собой — этого он, понимающий польскую независимость, не мог не знать. И не мог он также не знать, что, собственно, таких как он, не хватает для того, чтобы она стала собою. Но он выбрал путь меньшего сопротивления, пошел по пути желаний не слабейшей, но своей земли, а сильнейшей, захватившей его землю польской метрополии. И это отступничество на нем же отместилось. Чужой польской метрополии по врожденному ему духу его земли — „человек, как он сам выразился, от которого все в Польше убежали“ — он принес ей хоть польский, но какой-то иной патриотизм, хоть польское, но не метропольное мировоззрение. В результате „кресовый“ шляхтич, *урожденный консерватор*, стал в Польше представителем... идеологии революционного пролетариата» (Липинский, 1926: 314, прим.).

17. Примечательно, что Липинский весьма редко употребляет понятие «народ», в особенности в тех случаях, когда анализирует политическое прошлое или настоящее: он работает с понятиями групп, сословий, слоев («казацкой старшины», «правобережной шляхты», «интеллигенции» и т.д., уточняя и дифференцируя в зависимости от ситуации), но не с «народом», в отличие от распространенного языка эпохи. Важно, что последний почти никогда не выступает субъектом действия, он некая объективная совокупность — в отличие от групп, обладающих самосознанием, способностью к действию (и способных руководить большими или меньшими совокупностями, с той или иной степенью эффективности воздействовать на них).

Выбор, стоящий перед «урожденными консерваторами» — либо стать на сторону своей метрополии, либо порвать со своим слоем, совершить индивидуальный выбор. Проблема в том, что этот выбор обращает сделавшего его в «интеллигента», того, кто не имеет за собой материальной силы своего класса, своей группы — лишь представителя/выразителя мнений других, молчащих по каким-либо причинам: от неспособности говорить до невыгодности непосредственного присутствия. Например, заимствуя любимый им пример из Сореля, высшая буржуазия договаривается с парламентскими партиями, состоящими из журналистов, профессоров и т. п., поскольку в режиме парламентской демократии реальная власть должна быть скрыта системой представительства, в которой интеллигенция обретает автономную силу за счет балансирования между разными нуждающимися в ней группами. Говоря о первом варианте, Липинский уточняет:

«Российскость и польскость — несмотря на часто „самоотверженную“ службу наших панов российской и польской государственной идее — в этих условиях колониального существования только еще больше разлагала и ослабляла их. Потому что на дне их сознания лежало, деморализуя их и ослабляя их жизненное сопротивление, чувство неисполнения своих панских обязанностей в отношении своего народа и своей земли, чувство незавоеванного себе собственной ценностью права на власть. Виден недостаток скрепляющей, спокойной и смелой веры в себя, в нужность своего бытия, в законность своей власти, в общественную оправданность своего „панства“, своей большой силы культурной и материальной» (Липинский, 1926: 442).

Если воспользоваться старым и неверным, но в первоначальной «прикидке» нечто ухватывающим противопоставлением Г. Кона национализмов «гражданских» и «этнических» (с наложением этого противопоставления на «западно-» и «восточноевропейские» версии национальных движений), то Липинский принципиально противостоит «этническому национализму», полагая его разрушительным (с точки зрения государственного строительства и в конечном счете способности создать нацию). Он выносит данное суждение именно применительно к украинской ситуации — поскольку как «демократический», так и «охлократический» способы организации массового движения, с опорой на социальные лозунги и соединения национальной повестки с социалистической, возможны лишь при противостоянии одному противнику — где национальное движение формируется по «негативному» принципу, отталкивания от врага¹⁸. Однако в положении Украины

18. Другой важный аспект, который Липинский затрагивает (в тексте, относящемся к 1919 г.), но не развивает подробно, — временное «запоздание» украинского национального движения. Отмечая, что «надклассовая национальная идеология в современной своей европейской форме есть творение мещанской демократии, которая во времена «весны народов» своим романтическим энтузиазмом, своею фанатичною преданностью идее нации сумела эту идею сообщить всем классам, всем членам своих этнографических коллективов» (Липинский, 1926: 12), он следом фиксирует, что «наша национальная „весна“ пришла тогда, когда в Европе была уже национальная „осень“...», идеология «нашей молодой мещанской демократии» уже не верила в «надклассовую» идею и, соответственно, не могла дать ее народным массам (там же).

нет единого противника — она зажата между Польшей и Москвой, в результате чего всегда есть двойственность в выборе врага, а следовательно, разные группы будут ориентироваться в этом противостоянии различно, не давая возможности образовать «общенациональный» фронт, — более того, всякий выбор в пользу одной позиции фактически будет означать союз с другим противником украинского национального государства: «Она (Украина. — А. Т.) не может объединиться ненавистью к Москве или к Польше, потому что ненависть к Москве приведет ее в Польшу, ненависть к Польше приведет ее в Москву, а ненависть одновременно к обоим — в петлю самоубийства или в дом умалишенных» (Липинский, 1928: 25).

Но невозможность этнонациональной позиции виделась Липинскому, скорее в неизбежном конфликте с местными консервативными кругами, крупными и средними землевладельцами, которые принадлежали к польской или русской культуре (с небольшой и невлиятельной группой, выбравшей идентичность с «народом», «украинизировавшихся»). В 1926 г. Липинский писал: «Как органично, через свои верхи, входила и входит всегда Украина в состав метрополии, так только органично, от верхов, может она от метрополий отделиться» (Липинский, 1926: XVI). Этнонациональные программы предполагали конфликт как раз с местными элитами, побуждая их лишь сильнее сплотиться в поиске поддержки со стороны метрополии (Польши или России).

Ближе к некоторым современным теориям национализма (см.: Смит, 2004) Липинский не разрывает «этническое» от «национального», но настаивает на том, что между этими двумя феноменами нельзя выстроить прямолинейной, прогрессистской линии, где «этническое» своеобразие автоматически бы вело — при достаточной численности и своеобразии группы — к «национальному». В свою очередь, он обращает внимание и на то обстоятельство, что «нация» (как и другие акторы) по мере своего развития способна углублять и радикализировать те этнические разграничения, которые ранее не были столь значимы, — этническое способно приобретать/утрачивать новые значения, равно как и самомодифицироваться (см.: Липинский, 1926: 535–538).

В ходе теоретических размышлений все большую значимость обретает понятие «колония». Оно становится ключевым к 1926 г., когда базовым в рассуждениях об украинском национальном движении оказывается пример Северо-Американских Штатов:

«...как нет чистокровных Американцев — так нет и чистокровных Украинцев. Колония есть колония: осадок людей разных племен, вер и рас. Украинцев есть всякий, кто хочет, чтобы Украина перестала быть колонией; чтоб из разных ее племен, рас и вер восстало одно Государство Украинское. А творцом Украины является тот, кто в святое дело обретения независимости украинских колоний приносит все наилучшее, что есть в нем: в той культуре, с которой он до украинства пришел. Например, из московской культуры принести можно уважение к авторитету, организации, дисциплине — как раз то, чего украинству так недостает» (Липинский, 1926: XX).

К числу «фальшивых» положений «украинской демократии» Липинский относит тезис, «что народ украинский находится в том же самом национальном отношении к народу московскому, как, например, Чехи к Немцам, Поляки к Русским или Болгары к Туркам, а не в таком, как Бельгийцы (Валлоны) к Французам, Баварцы к Пруссакам или Немцы австрийские к „немецким“» (Липинский, 1926: 535). Вопреки господствовавшей в украинской публицистике позиции, он подчеркивает:

«Отдельность Украины по отношению к Москве творили и творят не столько различия культурно-вероисповедные, как совсем иные стремления *территориально-политические*, иные, вытекающие из отличного географического положения, политические задачи Украинской Земли, каких Москва со своего метропольного центра осуществить не в силах, и иные отношения внутренние, для каких политические московские охлократичные методы государственной и общественной организации не подходят. Только в моменты, когда собственные эти территориально-политические, а не культурно-вероисповедные стремления осуществлялись, и в формах *отдельной украинской монархической державы персонифицировались*, выявлялась обособленность Украины и ее культура национальная развивалась» (Липинский, 1926: 536)¹⁹.

«Нация» для Липинского представляла как создаваемое политическое сообщество — производное от государственного проекта, способного объединить разные слои общества и выработать форму совместного существования, достаточно привлекательную (и ценную, и ценимую — чтобы ее охранять) для всех них. «Нация» в логике национальных проектов XIX века представляла как способ нахождения «общего языка», возможности «общего действия» разных слоев общества. «Украинизация» элит была инструментом создания этой общности — иными словами, политическое целое, включающее в качестве своих участников ранее отстранен-

19. Ср.: «Основным отличием Украины от Москвы не является ни язык, ни племя, ни вера и ни аппетит крестьянина на землю панскую — одним словом, не признаки культурно-национальные и не лозунги социальные — а другой, сотворенный веками, политический строй, иной (классократичный, а не охлократичный...) метод организации правительственной власти, иные взаимоотношения верхов и низов, государства и общества — тех, кто правит, к тем, кем правят. И только опираясь на это различие политическое, только под политическими, а не культурно-национальными или социальными лозунгами, можно от Москвы отделить Киев и можно в отдельном Государстве Украинском претворить малорусское племя в Украинскую Нацию» (Липинский, 1926: XXV).

Относительно этнокультурных различий и их национального значения Липинский уточнял: «Вышесказанное не означает, разумеется, того, что народ украинский ничем по своей культуре от народу московского не отличается. Несмотря на общее византийское происхождение культур обоих этих народов — разница между ними в дальнейшем развитии вырисовывались очень большие. Но они не имеют того *характера непримиримости*, который позволил бы использовать их, как думает наша демократия, в целях политических: для основания государства. Вытекающие из этих различий эмоции национальные не достигают на Украине по отношению к Москве такой *движущей, динамической силы*, как, например, те же самые национальные эмоции Чехов по отношению к Немцам, Поляков по отношению к Русским, Болгар или Сербов по отношению к Туркам. Не под культурно-вероисповедными, не под *националистическими*, а под *территориально-политическими, патриотическими* лозунгами может быть основана Украинская Держава» (Липинский, 1926: 537, прим.).

ные от власти слои (крестьянство), вырабатывало общую культуру, где основной становилась культура этнического большинства — однако нациеобразующей выступала не «этничность», а (со)участие в одном политическом целом.

«Только тогда, когда государственники украинские всех местных классов и всех местных наций победят агентов, которых метрополии имеют на Украине тоже во всех местных классах и всех местных нациях (также и „нации украинской“!), — сможет возродиться украинское государство. И только в украинском государстве — только в процессе совместного существования жителей Украины на отмежёванной государственной территории — сможет сотвориться из них Украинская Нация. Так, например, как возникает на наших глазах Американская Нация из процесса сожительства разных наций и разных классов на территории Соединенных Штатов (Держав). От своей метрополии отделились эти Государства не под лозунгом националистическим (бей Англичан) и не под лозунгом социалистическим (бей господ и буржуев), а под лозунгом политическим: создаем все жители Америки — каких бы мы ни были наций и классов — свое собственное Американское государство» (Липинский, 1926: XVI).

Колониальное положение объясняет, на взгляд Липинского, и положение украинской интеллигенции:

«Как всякая демократия в колониальном крае, где общественное устройство и порядок опираются на чужой метропольный государственный аппарат, — так и демократия украинская, собственно благодаря своему украинству и благодаря российскому государственному аппарату, была *совсем избавлена от необходимости думать о том, какими силами в реальной жизни нации строится и поддерживается этот порядок и устройство*» (Липинский, 1926: 473).

Демократия могла позволить себе быть «безгосударственной», поскольку издержки государственности несли на себе другие, она была избавлена от необходимости принимать в расчет потребности государственного существования, имея возможность действовать не против данного государственного устройства или данного порядка вещей, но порядка как такового. «Украинство» здесь оказывалось выбором индивидуальным и потому позицией, по умолчанию относящей издержки государственности на «чужой счет»: парадоксальным образом, отмечает Липинский, именно те, кто говорил о «национальном сознании», менее всего стремились к созданию самостоятельного государства.

Национальная аристократия

Путь к созданию национального государства и созданию нации — формирование «национальной аристократии»: «...не этнографическая масса как таковая, не тип, не характер, не язык, не отдельная территория творят сами по себе, авто-

матически, нацию, а творит нацию какая-либо активная группа людей среди этой этнографической массы, группа, что ведет среди ней впереди развитие объединяющих, организующих, строящих нацию политических ценностей. <...> назовем эту группу людей „национальную аристократией“» (Липинский, 1926: 130, 131). Без нее и без государства невозможна нация:

«Собственно, нацией не является ни само общество, ни тем меньше, разумеется, какая-либо одна его часть („крестьяне“, „интеллигенция“). Например, общество и украинские национальные ассоциации в нем издавна существовали в Украине. Но нация украинская была лишь тогда, когда общественные национальные aspirations реализовывались в том способе, что их принимали, в качестве своих, те люди, что *хотели и могли* завоевать себе на Украинской Земле политическую власть и сотворить государство. Если национальные aspirations репрезентированы на данной территории только такими общественными силами, которые не в состоянии сами завоевать себе на своей территории политическую власть и сотворить на ней собственную державу, но и не создать этими своими aspirations такому завоеванию другой, политически способной, местной силе поддержки, то такая нация пребывает в стадии недоразвитой, в стадии исключительно идеологической, которую нужно называть *народностью*, а не *нацией*» (Липинский, 1926: 387–388).

Для того чтобы национальная аристократия имела «потребную для выполнения своих организационных задач материальную силу», она должна:

- «1) хотеть править, организовывать и для того уметь жертвовать и рисковать своими жизнями;
- 2) должна владеть техническими средствами войны и обороны: государством, оружием и армией, и
- 3) должна владеть техническими средствами экономического производства: землей, фабриками и машинами» (Липинский, 1926: 138).

Теоретически Липинский выделяет три способа формирования национальной аристократии: а) классократический, б) демократический и с) охлократический, каждому из которых соответствует свой господствующий общественный слой²⁰, одновременно являющийся человеческим типом и формирующим преобладающий моральный облик данной державы (ход рассуждения, восходящий к Платону, а из более близких — к Ш.-Л. Монтескье).

20. Поясняя свою классификацию, Липинский настаивает: «Мое подразделение опирается на взаимное отношение активных и пассивных элементов — тех, что правят, и тех, кем правят, — и характеризуется оно не какими-либо случайными, поверхностными признаками власти той или иной аристократии, а первыми основными формами материальной жизни и расовых признаков, что всегда идут в паре с данным методом организации аристократии и с восприимчивостью к данному методу со стороны пассивных людей» (Липинский, 1926: 192).

Таблица 1
Соответствие способов формирования национальной аристократии
и господствующего типа

Способ формирования национальной аристократии	Господствующий общественный тип
Классократия	Воин-производитель
Охлократия	Воин-не-производитель
Демократия	Не-воин-производитель и не-воин-не-производитель*

* Два последних типа уравниваются Липинским в их отношении к государственному строительству и действию, поскольку ключевым выступает неготовность ставить «на кон» свою жизнь, отсутствие воли к (непосредственной, явной) власти.

Наименьшие симпатии вызывает у него *демократия*, понимаемая как результат разложения классократии, существующая по инерции институтов, созданных ранее (Липинский, 1926: 153), выступая «анонимной» властью, «аполитичным» государственным аппаратом, опирающимся на принцип легальности:

«При демократии армия и государственный аппарат не присягают служить верой и правдой персонифицирующему государству и нацию Монарху и только ему одному, а присягают служить „республике“, то есть служить всякому правительству, какое будет нужно анонимным капиталистическим спекулянтам, какое будет „избрано“ ими и которое армии и государственному аппарату платит деньги за их „аполитичность“, то есть за их готовность жертвовать свою кровь любому правительству, которое за это заплатит. Иными словами, *демократия есть власть золота над продажной идеологией, над продажным мечом, над сгнившим консерватизмом и над пассивностью разрозненных и деморализованных масс*» (Липинский, 1926: 530–531).

В критике демократии Липинский опирается на А. Сореля, принимая его критику косвенного господства, внутренней слабости и т. д., самым известным образчиком которой являются «Рассуждения о насилии» (Сорель, 2013)²¹. Стержень его критики демократии лежит в понимании всякой власти как основанной на «воле к власти», желании править и способности «рационально организовать» это «иррациональное стихийное желание» (Липинский, 1926: 127). Помимо «материальной силы» национальная аристократия должна обладать «моральным авторитетом», однако одной из трех составляющих «материальной силы» Липинский называет

21. Больше всего прямых и скрытых отсылок к Сорелю содержится в ч. III «Писем...», написанных в 1921–1922 гг. — так, на стр. 125 Липинский воспроизводит аргументацию Сореля о роли монашеских орденов, их морали и фанатизма в возрождении католичества, а на стр. 154 воспроизводит критику демократии, данную Сорелем, и цитирует его «Иллюзии прогресса» (Sorel, 1908). В объемном примечании (на стр. 217–218) Липинский конспективно излагает историю «вырождения» рабочего движения в рамках демократии по Сорелю (Сорель, 2013), не ссылаясь на него.

«хотение», «желание» власти²²: «Откуда черпает национальная аристократия свою силу? Прежде всего из своего собственного стихийного иррационального желания. И тут, как часто при изучении разных фактов общественной жизни, мы стоим перед чем-то необъяснимым» (Липинский, 1926: 137).

Позднее, к середине 1920-х, Липинский выработает новую терминологию, выделяя две основные движущие силы активного меньшинства: «империализм» — т. е. врожденную волю к власти («хотения влады») и «мистицизм» — веру в законность этой воли (Липинский, 1926: 345, 362–367). Однако для того, чтобы «национальная аристократия» была состоятельна, этих условий недостаточно — сами по себе они скорее приведут к гибели тех, кто претендует быть «аристократией», и той общности, на власть над которой они претендуют:

«Если империализм активного руководящего меньшинства не ограничен сильною (например, монархическою) формою политической организации, а мистицизм не ограничен обязательными для всех (например, религиозными) догмами общественной морали, то это руководящее меньшинство, избавленное тогда от внутреннего единства, будет разрушать пассивную народную массу в разных направлениях и, вместо организованного руководства, будет давать своей нации хаос и дезорганизацию» (Липинский, 1926: 345).

Но демократия управляется интеллигенцией, у которой есть одно *бесплодное* желание власти²³, — она претендует на то, на что не имеет сил и средств, и потому ее господство оказывается разрушительным, продолжаясь лишь до тех пор, пока сохраняются элементы прежнего порядка:

22. При этом надлежит отметить терминологическую небрежность, поскольку «хотение/желание» употребляется им как синоним «воли» (Липинский, 1926: 137).

23. Отметим единство аргументации относительно разных способов формирования национальной аристократии и позиции Липинского о роли и статусе церкви в политике. Принципиальным выступает разграничение Царства Божьего и царства кесаря, где каждая сторона должна сохранять свое положение: не только светским, политическим и государственным деятелям надлежит не вмешиваться в дела церкви, но и ей равным образом необходимо соблюдать эту границу.

В серии статей «Религия и церковь в истории Украины», опубликованных в украинском униатском журнале «Америка», Липинский писал: «Религия и церковь нужна нам, людям светским, не только тогда, когда мы уже материальною силою своею себе державу завоеваем и нацию свою сорганизуем. Она нам потребна не меньше и в самом процессе борьбы. <...>

Только не та религия и церковь нам в нашей светской борьбе за Украину поможет, которая будет наиболее „национальна“ да наиболее „украинская“ и которая во имя „национализма“ будет признавать всех наших „отаманов“ и терпеть наши разрушительные национальные привычки; — не та, что вберет в себя более всего элементу земного, светского, политического и которой пастыри захотят занять (говоря фигурально) место офицеров генерального штаба и до наших планов военных вмешать свое совсем не военное религиозное дело, — а та, что лучше всего научит своих верных в их светской борьбе за украинскую державу исполнять вечный и общечеловеческий закон твердой общественной морали» (Липинский, 1925: 18–19). Данное разграничение воспроизводит схему противопоставления «клириков» и «рыцарей»: интеллигенция и является, на взгляд Липинского, современным клиром, нарушившим вновь (как и в притязаниях папства в лице Григория VII и его преемников) должное соотношение.

«...разрушительная политическая роль деклассированной интеллигенции в жизни наций начинается с момента, когда эта интеллигенция — вместо критики старых правителей или научения и организации новых — стремится сама править нациями; коли она в этом правлении занимает место запуганных ею военных и производителей; коли она сама, не имея потребной для этого материальной силы, стремится стать национальной аристократией» (Липинский, 1926: 147–148).

Происходит подобная перемена в силу того, что прежняя аристократия оказывается разложившейся, не способной инкорпорировать в свой состав новые, поднимающиеся группы — как раз в неспособности сохранить «нацию», изменив ее, — т. е. включить в состав политического тела новые группы («классы»), дать им статус и положение в этом политическом целом. Липинский дает возможность проинтерпретировать феномен «нации» в исторической перспективе, в меняющемся содержании — и если применительно к «нации» не дает развернутого анализа, то демонстрирует сходный подход применительно к историчности и конкретности понятия «народ»:

«Разумеется, понятия „народа“ и „панов“ на протяжении столетий менялись. Против русско-литовских князей „народом“ было мелкое боярство; против козацкой государственной старшины — козацкая неоседлая чернь; против правобережной украинской шляхты — гайдамацкое крестьянство; сегодня против „буржуазии“ поднимается пролетариат и т. д. и т. д.» (Липинский, 1926: 320).

Происходящее на Украине и в России расценивается им как частный случай общего кризиса. Вполне характерным для этого времени образом (в ряду новых консервативных критиков) он пишет об «упадке и крушении европейской культуры и цивилизации, которая когда-то была сильна этической правдою своей общественной жизни, а теперь гниет, оглушенная ложью выразителей этой жизни» (Липинский, 1926: 118). Общественная жизнь в целом сбилась с пути — но в происходящем он скорее готов (по примеру Сореля) сочувствовать современным «охлократам», например большевикам (Липинский, 1926: 37–38), — не с точки зрения согласия с их целями и методами, но воспринимая их как самостоятельное начало, силу, которая противостоит тому, что отстаивает он.

Как уточняет Липинский, «охлократия» понимается им, разумеется, не как власть «толпы» (по природе своей она не способна властвовать), а как власть над толпой — режим власти, при котором подвластные превращаются в толпу. Объясняя О. Назаруку разницу между своим подразделением и классификацией форм правления, Липинский писал:

«Монархия (как правовая и наследственная власть) и диктатура (как власть абсолютная и персональная, иногда в формах монархичных, как, например, в петербургской России) соответствуют двум абсолютно разным методам

организации — классократии и охлократии. Это мои названия. Я их не защищаю, может быть, они наихудшие. Но они означают определенные реальные факты, которые можно назвать и иначе, если эти названия не подобают» (Липинский, 2004: 77, письмо от 16.I.1925).

Охлократия выступает и как первоначальная форма, и как поздний продукт разложения иных форм²⁴ — в любом случае базовым является то, что статус, власть и материальные ресурсы правящая аристократия (будь то кочевая орда, Франция Людовика XIV или большевики) извлекает посредством государства, а не через получение тех или иных относительно самостоятельных ресурсов: она может «кормиться» с земли, но эти владения не станут родовыми, поскольку они лишь способ обеспечения ее государственной службы. Примером выстраиваемой «охлократической нации» Липинский считает Францию, где монархия одержала верх над «классократичной аристократией»:

«И чтобы этот, против „панов“ взбунтованный народ удерживать в своих руках, должна была победившая охлократия сделать из понятия „нация“ охлократичную веру, со всеми ее атрибутами примитивного народного мистицизма, ненависти к неверным, охлократичного гипноза и суггестии. Потому во Франции, где классократия успела только заложить основы нации, но дальнейшее руководство вырвано было у ней охлократией, вместо органического, всем врожденного и самопонятного чувства нации видим охлократичный культ нации. Нация имеет своих святых (Жанна д'Арк), своих неверных, своих пророков, своих исторических врагов и т. д. — как раз все то, чего и следа не было (исключая период охлократичной революции Кромвеля) до конца XIX столетия — во время наибольшего могущества — в классократичной Англии. Потому в конечном итоге в Англии классократичный Монарх — Глава Нации — был одновременно с этим „первым слугой“, он „стоял под законом“: законом одним и обязательным для целой нации. Во Франции Монарх охлократичный был неограниченным правителем, стоял „над законом“, его именем не только исполнялся, но и творился этот национальный закон, он был не персонификацией национального единства, а его источником и основой» (Липинский, 1926: 306).

24. Общую логику развития Липинский набрасывает в следующем фрагменте: «Если данное человеческое общество — при низкой стадии материальной культуры — образует недифференцированную и не разделенную на классы толпу, где индивид находится в полной зависимости от этой толпы и где бесклассовую, недифференцированную, пассивную массу правит такое же бесклассовое и недифференцированное меньшинство. Если в данном обществе — параллельно с ростом материальной культуры — появляется разделение на органичные, переходящие из поколения в поколение классы, и индивид находится там в полной зависимости от своего класса, а взаимоотношения между активными и пассивными элементами определяются их классовою принадлежностью и положением, которое они занимают в своих классах. Но в конце, параллельно с разложением высокой материальной культуры, разлагаются классы, освобождается из-под их влияния демократический „свободный“ индивид и хаотичным конгломератом пассивных индивидов правит, объединенный во временные и случайные политические партии, хаотичный конгломерат индивидов активных» (Липинский, 1926: 193–194). Согласно самому Липинскому, здесь лишь логическая схема, тогда как на практике переходы могут быть многообразны.

В итоге «такая охлократичная нация, где органическое национальное единство подменяется механической национальной *верою*, пропагандируемой и репрезентируемой прекрасно организованным охлократичным государственным аппаратом, представляет из себя большую силу до тех пор, пока этот централизованный бюрократически-военно-духовный аппарат существует» (Липинский, 1926: 306). Но «если нация сливается в одно с охлократическим государственным аппаратом, то все враги охлократии становятся тем самым и врагами нации» (Липинский, 1926: 306). Подобный вариант построения нации Липинскому глубоко антипатичен, не отрицая его возможностей, он отмечает, что для Украины этот вариант невозможен: «диктатуры национальные возможны только в уже сформированных нациях. На Украине, где нации украинской еще нет, метод, рассчитанный на акцию при мощи национальных эмоций, закончится фиаско, потому что таких общих национальных эмоций меж украинцами еще нет (в этом весь абсурд донцовского „фашизму“). В диктаторе нация видит всегда воплощение своих общих эмоций. И диктатор должен всегда концентрировать в себе эти общие массовые эмоции. Найдите, будьте добры, диктатора — Наполеона на Украине — где таких общих национальных эмоций еще нет. Всякий диктаторский метод должен превращаться у нас в карикатуру, в какую-то безнадежную персональную авантюру: петлюровичину, петрушевичину и т. п. Сохрани нас Боже, чтобы мы к этому добавили еще: „Скоропадщину“. Тогда мы падаем до уровня украинской анархии и губим единственно возможную нашу династию» (Липинский, 1926: 79, письмо от 16.I.1925). На взгляд Липинского, Донцов стремится осуществить массовую мобилизацию в отношении масс, которые не обладают национальным сознанием (и инструментов «привнесения» которого нет), объединить национальной идеей тех, кто не обладает еще никаким национальным сознанием: он пытается копировать опыт Муссолини, не понимая условий, средств и целей последнего:

«Аморфную хаотичную украинскую массу нельзя сорганизовать пропагандой и выискиваниями какой-нибудь одной общей эмоции. Чем больше будете ею колотить и среди нее агитировать, тем больший хаос и руину будете создавать. <...> Диктаторы потомства не имеют, а там, где (как в царской России) диктатура делается наследственной, то трон там — по выражению одного итальянского дипломата, собственно, про Россию — делается не выборной и не наследственной, а „окупативной“. Окупативной при помощи гвардии и дворцовых переворотов. Храни Боже Украину от такой „окупативной“ формы диктаторской, абсолютной монархии. Что могло удалиться при московской или турецкой стадности, то не удалиться при украинском индивидуализме. Потому, например, в Англии не могло удержаться дело Кромвеля, потому что там не было никогда монархического абсолютизма, то есть наследственной диктатуры» (Липинский, 2004: 80–81, письмо к О. Назаруку от 16.I.1925).

Наилучшим методом правления, по Липинскому, выступает классократия, которая определяется как

«метод правления оседлого производителя-воина... При классократии *руководство в государстве принадлежит таким организаторам материального производства нации*, которые для исполнения этих своих организаторских функций умеют *сами организовать*, то есть умеют *ограничить свои индивидуалистические инстинкты*, умеют подчинить их одному монархическому руководству, и имеют достаточно силы, чтобы не претендовать на диктатуру, а допустить голос в государстве и оппозиции к их консервативной государственной власти, прогрессивные элементы в нации» (Липинский, 1926: 551).

Наиближайшим из реально существовавших образцов такого правления оказывается Англия, которой, по его мнению, удалось приблизиться к корпоративному типу устройства:

«Однородность желаний пассивных и активных элементов нации удерживается здесь всякий час такой природной группировкой разноклассовой аристократии, которая не искривляется ни демократическим политическим мошенничеством, ни несуществующим здесь полицейско-казарменным охлократическим государственным аппаратом. *Она отвечает степени внутренней силы и потребности для нации каждого класса и опирается на моральный авторитет каждой классовой аристократии в своем классе*. В этом полагается ритмичность, гармоничность и органичность общественной жизни по *охлократическому методу* организованной нации» (Липинский, 1926: 298).

Английское устройство оценивается Липинским как переживающее кризис, являющийся частью общеевропейского, — соответственно, свое видение будущего Украины он помещает в перспективу общего возрождения классократичных правлений, однако эта общая перспектива имеет свое существенное локальное измерение. Для Украины в рамках современной ситуации есть либо возможность осуществить антиколониальное движение как классократичное, либо оставить всякую надежду. Обращаясь к противникам, он утверждал:

«Если вы хотите Украинского Государства, то помните, что дело создания и сбережения Государства лежит целиком в умении управлять *существующими уже инстинктами и желаниями*. Вместо того чтобы делать необходимое и возможное: организовать вместе с нами, кто *уже желают* Украинского Государства, вы, националистичные шантеклеры, думаете своим кукареканьем „сотворить“ националистичные желания Украины. Вещь возможную и необходимую — ваше собственное послушание Гетманской Украине — вы отбрасываете. А делаете вещь непотребную и невозможную: украинский национализм среди масс, которые еще даже понятия о нации не имеют» (Липинский, 1926: XVII).

Под «классом» Липинский понимает «органический коллектив одинаково работающих, связанных общей традицией, физически и духовно породненных между собой родов-семейств» (Липинский, 1926: 193, прим.); соответственно,

«классократия» выступает одновременно и как соучастие классов в общей государственной и национальной работе, и как их иерархия в рамках общего целого²⁵. Не будем анализировать «классократичные» представления Липинского, здесь он не оригинален, выступая одним из многочисленных представителей корпоративистских взглядов и опираясь на Р. Михельса (см., напр.: Липинский, 1926: 147). При этом он довольно слабо заинтересован в большинстве обсуждаемых в этих теориях вопросов, принимая их как данность, малосущественную для Украины. Проблемы организации фабричного производства, «нового индустриализма» и т. п. находятся в те годы на периферии, а проблематика взаимодействия крупных и мелких землевладельцев, городской буржуазии и интеллигенции описываются скорее в рамках усредненного консервативного канона начала XX века.

Консерватизм

«Без доброго консерватизма не может быть в нации и доброго развития» (Липинский, 1926: 443)

Консерватизм, по Липинскому, вытекает из логики национального строительства: чтобы состоялась нация, необходимо самостоятельное государство — а для последнего необходима опора на существующие консервативные силы (и — по мере возможности — расширение этого «консервативного базиса»). Специфика такого рода «консерватизма» заключается в необходимости скорее «создать», чем «сохранить» то, что подлежит «сохранению» («консервации»)²⁶.

25. В 1921 г. Липинский писал: «Подумайте только, так ли бы закончилось современное великое движение нашего народа, если бы наши писатели, наша интеллигенция, те, кто это стихийное движение приводили в сознание и в словах формулировали, честно выполняли бы каждый свое задание, честно выражали желания той социальной группы, к которой каждый из них по способу своей жизни, по своему происхождению и воспитанию принадлежит. Если бы разные наши надднепрянские политики-ученые из помещиков, мещан и духовного сословия не писали бы в своих публицистических сочинениях *неправды*, что они *так* политически желают и *так* политически думают, *как* хотят и *как* думают безземельные или малоземельные крестьяне и таким способом на крестьянской беде не делали бы себе персональной публицистически-политической карьеры» (Липинский, 1926: 118–119).

26. «Трагедия всех негосударственных колониальных наций лежит главным образом в слабости национального консерватизма и во всех тех разрушительных последствиях, которые эта слабость вызывает. Без возрождения консерватизма нельзя помыслить политического возрождения такой безгосударственной колониальной нации. Чтобы стать нацией, она должна создать на своей территории свое собственное государство на месте существующего старого государства метропольного. Это значит, что ее разрушительные, прогрессивные („поступові“) силы должны быть *местными* консерваторами (их государственным опытом и их большей организаторской способностью) организованы так, чтобы они способны были государственную власть завоевать и в своих руках удерживать. Но местными консерваторами являются во всех таких негосударственных колониальных нациях собственно те, что в старой метропольной власти или принимали участие, или в своих политических желаниях были этой властью удовлетворены. И собственно на свержении в первую очередь этих местных консерваторов сосредоточены все усилия местных прогрессистов.

Трагическая трудность политического возрождения такой нации лежит в том, что возродиться она может только при помощи ненавистных местным революционерам местных консерваторов в

Липинский многократно указывает на слабость украинских консервативных элементов и консервативных элементов вообще на Украине, приводящую к тому, что они вынуждены ориентироваться на метрополии (Польшу и Москву). Однако он отмечает, что невозможно, опираясь на демократические методы, «создать» украинский консерватизм — опыт «украинской консервативной партии» был бы обречен на неудачу именно по самой природе начинания²⁷:

«Демократически-республиканский метод не в состоянии дать консервативным украинским элементам мощной организованной силы. Он разбирает их органическое классовое единство и претворяет их в наиглупейшую — потому что антидемократическую — демократическую партию, что демократическими способами безнадежно пытается победить демократию, чему классический пример видим хотя бы в современной Польше» (Липинский, 1926: 475).

Согласно Липинскому, «никакого консерватизма на нереализованных идеологиях основать невозможно. Нельзя консервировать то, что хотело быть, но не было. И потому украинский консерватизм реальный, не литературный, может опираться только на те реализованные государственно-правовые акты, на тот традиционный опыт, который себя в истории, в реальной жизни оправдал» (Липинский, 1926: 516). Традицию нельзя «изобрести», но можно укрепить остатки прежней традиции, создать «легенду» (аналогичную сорелевскому «мифу») — не вопреки реальности, а претворяя ее. Поясняя свою позицию в ответе Е. Х. Чикаленко, Липинский утверждает:

«...не хочу сказать и не говорю, что Переяславский Договор и Торговицкая Конфедерация должны быть нашим государственно-политическим идеалом: тем, к чему должна стремиться наша государственно-национальная политика. Может быть, лучше наших интеллигентских москвофобов понимаю, что оба эти акта были проявлением нашей исконной калечности: нашей болезни безгосударственности. <...> Переяславский Договор и Торговицкая конфедерация это не идеал нашей консервативной государственно-национальной политики, к которому она должна стремиться, а факт — действительный, реализованный, исторический факт — из которого она должна исходить. Это факт, от которого она должна начинать свое движение вперед, свое развитие, до как можно большей полноты и независимости собственно-государственной — реальной, а не литературно-национальной — украинской жизни» (Липинский, 1926: 516).

момент, когда последних метропольная государственная власть уже не удовлетворяет. Такой момент чаще всего бывает во время какого-либо кризиса или реформ метропольной власти. И вот в такой благоприятствующий ее возрождению момент негосударственная нация должна пройти в страшно ускоренном темпе процесс включения в местные консервативные советы местных наиболее активных (прогрессивных и революционных) элементов — процесс, который у наций государственных продолжается долгими, на поколения рассчитанными, периодами» (Липинский, 1926: 400).

27. В данном суждении трудно не увидеть и результата собственного опыта Липинского в рамках «Хлебоборобской партии».

С таким пониманием консерватизма связана и конкретная форма «монархизма» Липинского — создателя «гетманской» идеологии. Гетманство для него — единственная государственная традиция, которая остается относительно живой на Украине — по воспоминаниям, по преданиям, что позволяет опираться не на «вождя», но на институцию, крайне слабую, но элементы которой все-таки сохранились:

«Только реальная, действительная, нефальсифицированная державно-национальная традиция может стать основой для будущей реальной, действительной, а не „литературной“ Украинской национальной Державы. Эта реальная, действительная, державно-творческая, а не державно-руинирующая украинская национальная традиция связана неразрывно с понятиями Украинского Гетманства» (Липинский, 1926: 93).

Стремление укрепить элементы государственной традиции приводит Липинского к попытке установить юридический континуитет — через тезис о прекращении Переяславского договора отречением Николая II, освобождающим от присяги, данной царю Алексею Михайловичу и наследникам его, что позволяет «восстановить свою собственную точку опоры, восстановить Гетманство. Параличом украинского консерватизма... объясняется факт, что Гетманство не было восстановлено перед приходом немцев и что Центральная Рада, эта экспозитура всероссийской революции и „единого российского революционного фронта“, не была поставлена на свое место собственными руками» (Липинский, 1926: 518). Впрочем, к данному аргументу Липинский прибегает лишь раз — он противоречит куда более устойчивой аргументации от модели (анти)колониальной революции, но тем характернее его готовность ситуативно принять и данную логику — ради континуитета. Позиция «нового монархизма» определялась им следующим образом:

«Идея Украинского Гетманства — это идея *нового* монархизма и *нового* аристократизма. Ей угрожают — с одного боку: гниль, которую оставил по себе среди нас развал старого монархизма и старого аристократизма. С другого: зараза современного республиканства и современной буржуазной, социалистической, коммунистической и всякой другой демократии, которая со всех сторон проникает в наши ряды.

Мы монархисты. Но мы не желаем возвращения умершего монархического порядка, ни возрождения монархии в ее бывших, выродившихся формах. Мы не хотим, подобно тем монархистам, которые в часы распада монархий, *ради своей выгоды* искали монархии, которую хоть кто угодно сотворил, а желаем *творить в образе Гетманства новую монархию*. И эта наша новая монархия, Гетманство, не может быть диктатурой одной касты, за которую эта каста зубами держится, а все остальные из ее зубов кусок за куском, через расширение „конституционных и демократических прав“, себе вырывают.

Гетманство — это символ единства Украинской Нации и силы Украинской Державы, персонифицированный в особе традиционного, националь-

ного наследственного Гетмана. Оно стоит над всеми кастами, партиями, классами и ни до кого в нации специально не принадлежит само, как не может до кого-либо специально относиться и чьей-то монополией быть само традиционное понятие Украинской Нации. Гетманство объединяет собою в одно национальное целое разрозненные классы людей, что живут на Украинской Земле, — классы, природно организованные в своих автономных политико-экономических „советских“ или иных формах собственной классовой организации.

Гетманство — это Трудовая Национальная Монархия, *это персонифицированное в особе Гетмана единовластие идеи Нации* над всем работающим, производящим народом и всеми его классами, а не монархия-единовластие одной какой касты — бюрократов ли, коммунистов ли, конституционной демократии ли — над остальной нацией» (Липинский, 1926: 102–103).

Гетман в понимании Липинского должен быть персонификацией нации, воплощением традиции — и потому он непременно должен быть наследственным, важен не сам гетман, а «гетманский род», обладающий наследственным правом, будучи связующей нитью с прошлым. В сохранении рода Скоропадских (одного из двух гетманских родов — вместе с Разумовскими — имеющего потомство по прямой мужской линии) он готов видеть руку Провидения. Государственную, политическую жизнь нельзя свести только к рациональному — в конечном счете на ее основаниях лежит мистическое и волевое: «*Нацией* я называю, — подчеркивает Липинский, — *продукт...* сложного взаимоотношения государства и общества. Нация — это реализация воли быть нацией. Если воли нет, выявленной в форме идеи — нет нации» (Липинский, 1926: 387; ср.: Липинский, 1925: 11). Нация уже состоявшаяся может обходиться некоторое время без мистического, забыть его, но «наша нация, которая еще только имеет стать нацией, должна перейти через стадию персонификации своего мистичного иррационального чувства национальной индивидуальности в особе репрезентирующего эту национальную индивидуальность Главы своей национальной Державы» (Липинский, 1926: 86). Монарх в данном случае — зримое единство нации, поверх партийных, классовых и каких угодно раздоров²⁸, тот, кто воплощает политическое тело.

Для Липинского консерватизм — это необходимая и почти отсутствующая составляющая для возможности Украинского государства, а без нее и остальные элементы оказываются разрушительны (равно как — если обернуть ситуацию — был бы катастрофичен вариант исключительного преобладания консервативных элементов). Он стремится к поиску баланса, следуя «органической» метафорике, где вполне подошел бы образ равновесия «жизненных соков» и т. п.: «...*беда не в*

28. В одном из первых подробных писем к О. Назаруку, объясняя ему суть своих взглядов, Липинский писал: «Я — монархист-классократ. Это значит, что я нацию представляю себе в образе разных классов (с их разными классовыми желаниями и мировоззрениями), объединенных в одну национальную целостность единством государственно-политических желаний и верностью репрезентирующей эту целостность Династии. В этой системе и Вы и я — каждый из нас, на своем месте служит общей нации и державе. Никто из нас над другим не господствует и не диктаторствует» (Липинский, 2004: 33, письмо от 19.III.1924).

том, что мы имеем демократию, а трагедия наша и несчастье в том, что мы имеем лишь демократию, что мы имеем только прогрессивные („поступові“) и разрушительные, но не имеем собственно национальных сил сдерживающих и строящих» (Липинський, 1926: 486–487).

Поясняя свою позицию Назаруку, Липинский писал 18 февраля 1925 года:

«Шевченко, Франко, Драгоманов — революционеры. Борьба с некоторыми их вредными мыслями при помощи принижения их революционного авторитета, думаю, беспредельна. Всегда будут украинские революционеры, как будут, и совсем справедливо, черпать из них вдохновения. И совсем не беда, что у нас есть революционеры. Беда, что мы имеем только революционеров. Чтобы вылечить эту смертельную однобокость нации — нам нужно консерваторов с позитивной программой, а не только с отрицанием революционеров. Сотворение этой позитивной консервативной политической мысли, думаю, имеет для нас далеко большее значение, чем борьба с Шевченко, Франко и Драгомановым. Тем большее, что без сильной украинской консервативной организации — эта борьба безнадежна. Люди должны откуда-то брать идеи. Если имеют только названных писателей, то будут брать только из них, хотя бы не знаю как их критиковали. Единственный совет: дать писателям другой мысли, другой тактики, другого стиля. Главное — с преобладанием разума и воли над романтизмом и необдуманной эмоцией. В этом направлении поле великое и в этом — позитивном, а не негативном — направлении я бы советовал Вам направить писательский талант» (цит. по: Лисяк-Рудницький, 1976: XL–VI).

Как отмечал Лисяк-Рудницький,

«украинская политическая мысль в целом имела постоянные трудности с проблемой <социальной> дифференциации и <политического> плюрализма. Наши левые мечтали о „бесклассовом обществе“, а наши правые о „национальном солидаризме“ — две противоположные концепции, которые имеют то общее, что запрещают плюрализм. Единственный между украинскими политическими мыслителями, Вячеслав Липинский явно видел, что современное общество не может не быть классово дифференцированным, что нация не может складываться только из одного «трудового народа», но должна также включать правящий слой, и что в государстве потребна не только власть, но и легальная оппозиция» (Лисяк-Рудницький, 1994а: 370).

Возможность для этого он пытался найти в «новом монархизме», способном выйти из кризиса современной ему демократии без ставки на «охлократию». Так, он обращал внимание на Муссолини, который сохранил монархию (Липинський, 1928: 14; см. также: Липинський, 1926: 495), и на Пилсудского, поставившего «сам над собой» президента как символ в республиканской Польше — высшей над ним, Пилсудским, — Государственной Властью» (Липинський, 1928: 14).

Конфликт с Гетманом и отход от движения, объявление о роспуске УСХД невозможно объяснить утратой политического влияния и состоянием здоровья (по-

следние годы Липинский становился все более нервным, действующим импульсивно, создавая или углубляя конфликты там, где ранее был способен находить компромисс). Происшедшее — результат именно принципиальной позиции, а точнее — того, что действия Скоропадского продемонстрировали Липинскому невозможность создать вокруг этой личности движение и организацию, которые были его целью.

Ему была важна персонификация идеи Гетманата, а не персона Гетмана. Скоропадский, взяв в руки руководство «движением», попытался выступить в роли «вождя» (затея и по исключительно личным качествам Гетмана несостоятельная). Тем самым он совершил то, чего на протяжении десятилетия старательно пытался избежать Липинский, — превращения «гетманцев» в еще одно движение со своим «вождем», стремящееся к некоему акту «учреждения» в результате победы своего «вождя». Ключевой тезис, отстаивавшийся Липинским, состоял в создании «премственности», «наследственности» — вожди могли приходить и уходить, возглавляя те или другие движения, но это все — уже «под» персоной Гетмана: он должен был быть «безответственен», будучи монархом. Следовательно, действовать (от его имени и по его поручению) должны были другие — те, кто мог нести ответственность за свои действия. Став «вождем», он тем самым сделал себя и ответственным за результаты — стал лишь одним из политических лидеров среди прочих, обрекая, по мысли Липинского, бывшую «гетманскую идею» на зависимость от сиюминутного успеха или поражения. Даже если бы персона Скоропадского обладала самыми лучшими качествами «вождя», он вошел бы в число прочих претендентов в состязании потенциальных «Наполеонов», к тому же «Наполеонов эмиграции». Но, как писал Липинский, и Наполеон был возможен во Франции, после королей, с памятью о них — он наследовал традиции (пусть и как незаконный наследник). Здесь же традицию нужно было практически создать на ровном месте, подхватить слабые отголоски прошлого — «изобрести» в рамках уже современного понимания, подхватывая и переинтерпретируя те мифы, образы, предания и практики, которые принадлежат прошлому. Нужно было расширить их на новые общности — подобно тому, как «казачество» стало из раннемодерной «нации», точнее, группы, претендующей быть одной из «наций» Речи Посполитой, «нацией», состоящей в первую очередь из крестьян, при этом и на тех территориях, где казачества никогда не было. Оттого в последнем письме к Назаруку Липинский писал, что ему нужно, чтобы «Бог Милосердный дал мне... воскресить в себе веру в государственно-творческую способность Украины — веру, что руководила до сих пор работою всей мой жизни» (Липинский, 2004: 112, 113), на что Назарук, к тому времени находившийся (как и большинство бывших сподвижников Липинского) в глубоком с ним конфликте, иронично надписал на полях: «Вже вмерла!»

Литература

- Артюх В. О. (2006). Консервативна історіософія В'ячеслава Липинського // Сумська старовина. № XX. С. 115–128.
- Білас Л. Р. (1980). Краків, Женева і філіяція «Кричевського»: До родовідної мислення В. Липинського // *Липинський В.* Твори: Том 2: Участь Шляхти у Великому українському повстанні під проводом гетьмана Богдана Хмельницького. Philadelphia.
- Білас Л. Р. (1991). Вячеслав Липинський як історик кризової доби // *Липинський В.* Твори: Том 3: Україна на переломі 1657–1659: замітки до історії Українського Державного будівництва в XVII-ім столітті. Philadelphia.
- Дорошенко Д. І. (2002). Історія України, 1917–1923 рр. Т. 2: Українська Гетманська Держава 1918 року. Київ: Темпора.
- Дорошенко Д. І. (1996). Огляд української історіографії. Київ: Українознавство.
- Драгоманов М. П. (1915). Чудацькі думки про українську національну справу. Відень: Наклад і друк партійної друкарні, 1915.
- Ключевский В. О. (1987–1990). Собрание сочинений. В 9 тт. М.: Мысль.
- Липинський В. (1920). Україна на переломі 1657–1659: замітки до історії українського державного будівництва в XVII-ім столітті. Відень, Київ: Дніпросоюз.
- Липинський В. (1925). Релігія і церква в історії України. Philadelphia.
- Липинський В. (1926). Листи до братів-хліборобів. Відень.
- Липинський В. (1928). Хам і Яфет: з приводу десятих роковин 16/29 квітня 1918 р. Львів: Поступ.
- Липинський В. (1973). Архів. Том 6: Листи Дмитра Дорошенка до Вячеслава Липинського. Philadelphia.
- Липинський В. (2004). Листи В'ячеслава Липинського до Осипа Назарука (1921–1930). Львів.
- Лисяк-Рудницький І. (1976). Назарук і Липинський: історія їхньої дружби та конфлікту // *Липинський В.* Архів: Том 7: Листи О. Назарука до В. Липинського / Под ред. І. Лисяк-Рудницького. Philadelphia (PA).
- Лисяк-Рудницький І. (1994а). Історичні есе. У 2-х т. Т. 1 / Відповід. ред. Ф. Сисин; упорядник Я. Грицак; переклади У. Гавришків и Я. Грицака. Київ: Основи.
- Лисяк-Рудницький І. (1994б). Історичні есе. У 2-х т. Т. 2 / Відповід. ред. Ф. Сисин; упорядник Я. Грицак; переклади У. Гавришків и Я. Грицака. Київ: Основи.
- Передерій І. Г. (2009). Роль громадсько-політичної діяльності В. Липинського у формуванні його науково-історичної концепції // *Гілея*. Вип. 22. С. 31–45.
- Передерій І. Г. (2010). В'ячеслав Липинський у науковому житті української еміграції 1920-х років // *Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка*. Історія. Вип. 99. С. 34–37.
- Передерій І. Г. (2011). В'ячеслав Липинський як співробітник першої української щоденної газети «Рада» (1908–1914 рр.) // *Український історичний журнал*. № 1. С. 71–90.

- Передерій І. Г.* (2012). Український науковий інститут у Берліні та В'ячеслав Липинський (до 130-річчя від дня народження) // Український історичний журнал. № 2. С. 98–113.
- Платонов С. Ф.* (1993). Лекции по русской истории. М.: Высшая школа.
- Плохий С.* (2013). Козацький міф: історія та націєтворення в епоху імперій / Авториз. пер. з англ. М. Климчука. Київ: Laurus.
- Плохий С.* (2011). Великий переділ: незвичайна історія Михайла Грушевського / Автор. пер. с англ. М. Климчука. Київ: Критика.
- Пученков А. С.* (2013). Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года: очерки политической истории. СПб.: Нестор-История.
- Сміт Е.* (2010). Культурні основи націй: ієрархія, завіт та республіка / Пер. з англ. П. Тарашука. Київ: ЕСЕМ Медіа Україна.
- Смит Э. Д.* (2004). Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис.
- Сорель Ж.* (2013). Рассуждения о насилии / Пер. с фр. Б. Сукратова, В. Фриче под ред. В. Акулова. М.: Фаланстер.
- Ульянов Н. И.* (1996). Происхождение украинского сепаратизма. М.: Индрик.
- Чикаленко Є. Х.* (2003). Зібрання творів і листів. У 7-ми т. Т. 1: Спогади. 1861–1907. Уривок і моїх споминів за 1917 р. Київ: РАДА.
- Эткинд А., Уффельман Д., Кукулин И.* (Ред.). (2012). Там, внутри: практики внутренней колонизации в культурной истории России. М.: Новое литературное обозрение.
- Lipiński W.* (1912). Do czytelnika z ziemi ukraińskiej // Z dziejów Ukrainy: księga pamiątkowa ku czci Włodzimierza Antonowicza, Paulina Świącickiego i Tadeusza Ryłskiego. Kijow.
- Sorel G.* (1908). Les Illusions du progrès. Paris: Marcel Rivière.

Creating Political Nation: Vyacheslav Lypynsky and His Conservative Theory of 1920s

Andrey Teslya

Associate Professor, Pacific National University

Address: 136 Tihookeanskaya str., Khabarovsk, Russian Federation 680035

E-mail: mestr81@gmail.com

The paper analyses the worldviews of Vyacheslav (Vaclav) Lypynsky, (1882–1931), who was an outstanding intellectual of Ukrainian conservative thought of the 1900–1930's. Particular attention is paid to his views of the 1920's when he completed the construction of his theory, and revised his earlier writings. Under the influence of the early sociological writings of Vilfredo Parlo and Robert Michels, he developed a typology of the origins of aristocracy and corresponding types of state and society, these being classocratic, ochlocratic, and democratic. The paper looks at the similarities of Lypynsky's views compared with some approaches typical of "conservative

revolution". Lypynsky's argument is transitional, and comes from the necessity to reflect upon and respond to the core transformations of European societies as a result of, and post World War One. He completely rejected borrowing methods and attitudes of "mass politics" and use them in conservatism. In defining the term "nation", Lypynsky consistently kept the framework of its political interpretation. At the same time, he understood that the Ukrainian national project was feasible only as political and anti-colonial (as in the USA). Thus, he tried to fit his understanding of 'nation' within monarchism and legitimism. Overall, Lypynsky's ideas are far removed from any restorative intentions. It was a question of how to "restore the past", since he was critical of the pre-World War One and pre-revolutionary status quo. He remained critical of this status quo when it was destroyed, and did not idealize it. The question is, however, if a new political action is possible, and if a new political order based on conservative ideas can be achieved.

Keywords: Vyacheslav Lypynsky, conservatism, nation, nationalism, Ukrainian studies

References

- Artiukh V. (2006) *Konservatyvna istoriosofija V'jacheslava Lypyns'kogo* [The Conservative Historiosophy of Vyacheslav Lypynsky]. *Sumska starovyna*, no 20, pp. 115–128.
- Bilas L. (1980) Krakiv, Zheneva i filijacija "Krychevs'kogo": do rodovidnoi myslennja V. Lypyns'kogo [Kraków, Geneva, and Krychevsky's filiation: toward the generic thought of Vyacheslav Lypynsky]. *Lypynsky V. Tvory. Tom 2* [Collected Works, Vol. 2], Philadelphia, pp. XVII–XCVIII.
- Bilas L. (1991) Vjacheslav Lypyns'kyj jak istoryk kryzovoi doby [Vyacheslav Lypynsky as a historian of crisis period]. *Lypynsky V. Tvory. Tom 3* [Collected Works, Vol. 3], Philadelphia, pp. xviii–lxx.
- Chykalenko Je. (2003) *Zibrannja tvoriv i lystiv. Tom 1* [Selected Works and Letters, Vol. 1], Kyiv: RADA.
- Doroshenko D. (2002) *Istorija Ukraïny, 1917–1923 rr. Tom 2* [The History of Ukraine, 1917–1923, Vol. 2], Kyiv: Tempora.
- Doroshenko D. (1996) *Ogljad ukrai'ns'koi' istoriografii'* [The Survey of Ukrainian Historiography], Kyiv: Ukraïnozavstvo.
- Drahomanov M. (1915) *Chudac'ki dumky pro ukrai'ns'ku nacional'nu spravu* [Whimsical Thoughts on the National Ukrainian Question], Viden': Naklad i druk partijnoi' drukarni.
- Etkind A., Uffelman D., Kukulin I. (eds.) (2012) *Tam, vnutri: praktiki vnutrennej kolonizacii v kul'turnoj istorii Rossii* [There, Inside: Practices of Internal Colonization in Russian Cultural History], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Klyuchevsky V. (1987–1990) *Sobranie sochinenij* [Collected Works], Moscow: Mysl'.
- Lipiński W. (1912) Do czytelnika z ziemi ukraińskiej. *Z dziejów Ukrainy: księga pamiątkowa ku czci Włodzimierza Antonowicza, Paulina Świącickiego i Tadeusza Ryłskiego*. Kijow.
- Lypynsky V. (1920) *Ukraïna na perelomi 1657–1659: zamitky do istorii' ukrai'ns'kogo derzhavnogo budivnytva v XVII-im stolitti* [Ukraine at the Turning Point of 1657–1659: Notes on History of Ukrainian Nation Building in XVII Century], Viden', Kyiv: Dniprosouz.
- Lypynsky V. (1925) *Religija i cerkva v istorii' Ukraïny* [Religion and Church in the History of Ukraine], Philadelphia.
- Lypynsky V. (1926) *Lysty do brativ-hliborobiv* [Letters to Brothers Grain-Growers], Viden'.
- Lypynsky V. (1928) *Ham i Jafet: z pryvodu desjatyh rokovyn 16/29 kvitnja 1918 r.* [Ham and Japheth: On the 10th Anniversary of April 16/29, 1918], L'viv: Postup.
- Lypynsky V. (1973) *Arhiv: Tom 6* [Archive, Vol. 6], Philadelphia.
- Lypynsky V. (2004) *Lysty V'jacheslava Lypyns'kogo do Osypa Nazaruka (1921–1930)* [The Letters of Vyacheslav Lypynsky to Osyp Nazaruk (1921–1930)], L'viv.
- Lysiak-Rudnytsky I. (1976) *Nazaruk i Lypyns'kyj: istorija iħn'oï družby ta konfliktu* [Nazaruk and Lypynsky: the history of their friendship and conflict]. *Lypynsky V. Arhiv: Tom 7* [Archive, Vol. 7], Philadelphia.
- Lysiak-Rudnytsky I. (1994) *Istorychni ese. Tom 1* [Historical Essays, Vol. 1], Kyiv: Osnovy.
- Lysiak-Rudnytsky I. (1994) *Istorychni ese. Tom 2* [Historical Essays, Vol. 2], Kyiv: Osnovy.

- Perederiy I. (2009) Rol' gromads'ko-politychnoi' dijal'nosti V. Lypyns'kogo u formuvanni jogo naukovo-istorychnoi' koncepcii' [The role of Lypynsky's public and political activities in the development of his scientific historical conception]. *Gileya*, no 22, pp. 31–45.
- Perederiy I. (2010) V'jacheslav Lypyns'kyj u naukovomu zhytti ukrai'ns'koi' emigracii' 1920-h rokiv [Vyacheslav Lypynsky in the scientific life of Ukrainian emigration of 1920s]. *Visnyk of Taras Shevchenko National University of Kyiv. History Series*, no 99, pp. 34–37.
- Perederiy I. (2011) V'jacheslav Lypyns'kyj jak spivrobitnyk pershoi' ukrai'ns'koi' shhodenoii' gazety "Rada" (1908–1914 rr.) [Vyacheslav Lypynsky as a contributor to the first Ukrainian daily newspaper "Rada" (1908–1914)]. *Ukrainian Historical Journal*, no 1, pp. 71–90.
- Perederiy I. (2012) Ukrai'ns'kyj naukovyj instytut u Berlini ta V'jacheslav Lypyns'kyj [Ukrainian Scientific Institute in Berlin and Vyacheslav Lypynsky]. *Ukrainian Historical Journal*, no 2, pp. 98–113.
- Platonov S. (1993) *Lekcii po russkoj istorii* [Lectures on Russian History], Moscow: Vysshaja shkola.
- Ploky S. (2011) *Velykyj peredil: nezvyčajna istorija Myhajla Grushevs'kogo* [Unmaking Imperial Russia: Mykhailo Hrushevsky and the Writing of Ukrainian History], Kyiv: Krytyka.
- Ploky S. (2013) *Kozac'kyj mif: istorija ta nacijetvorennja v epohu imperij* [The Cossack Myth: History and Nationhood in the Age of Empires], Kyiv: Laurus.
- Puchenkov A. (2013) *Ukraina i Krym v 1918 — nachale 1919 goda: ocherki politicheskoi istorii* [Ukraine and Crimea in 1918 to the Beginning of 1919: Essays on Political History], Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Smith A. (2004) *Nacionalizm i modernizm: kriticheskij obzor sovremennyh teorij nacij i nacionalizma* [Nationalism and Modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism], Moscow: Praksis.
- Smith A. (2010) *Kul'turni osnovy nacij: ijerarhija, zavit ta respublika* [Cultural Foundations of Nations: Hierarchy, Covenant and Republic], Kyiv: ESEM Media Ukrai'na.
- Sorel G. (1908) *Les Illusions du progrès*, Paris: Marcel Rivière.
- Sorel G. (2013) *Rassuzhdenija o nasilii* [Reflections on Violence], Moscow: Falanster.
- Ulianov N. (1996) *Proishozhdenie ukraïnskogo separatizma* [The Origins of Ukrainian Separatism], Moscow: Indrik.